

Институціоналізація усноїсторичних досліджень

Елена СТЯЖКИНА

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ ИСТОРИКОВ ДОНБАССА

Анализ процесса институционализации устной истории в исследовательских практиках историков Донбасса в данной работе представлен в четырех блоках проблем. Первый связан с региональными особенностями края («мифом (-ами) Донбасса»), которые влияют как на авторские позиции исследователей, так и на результаты, полученные в ходе полевых работ.

Второй блок посвящен разбору ситуации, связанной с разными способами институционализации устной истории: в рамках «госзаказа» и в рамках академической науки.

Проблемы разрыва поколений, утраты смыслов, археологии быта, проявленные в ходе создания устного источника, и их фиксация, анализ, введение в поле исследования — это третий блок нашей работы.

Четвертый связан с постановкой вопроса о дальнейшем сохранении и возможностях многократного использования устноисторических материалов.

Имеет ли смысл анализировать локальные региональные особенности процесса становления устной истории как методологии и теории исторического познания, как процессов и интерпретации источников, как метода исторического анализа?

С одной стороны, есть общие, описанные и проанализированные, тенденции институционализации устной истории в разных регионах Европы, США, Австралии, Азии. Среди этих тенденций — скепсис академических и университетских сообществ по отношению к устной истории на начальном этапе ее развития, реализация проектов силами гражданского общества, проблематичность адекватного перевода звука в знак, вопросы деонтологии и авторского права и т. д.

С другой стороны, устная история — это всегда уникальный, индивидуальный проект, ориентированный на ментальные характеристики и самоидентификационные механизмы как носителя информации, так и интервьюера.

Особенности региональной ментальности и региональной коллективной памяти определяются сегодня «мифом Донбасса». Его составляющие (*предмет отдельной*

дискуссии) в общих чертах могут быть определены через призму истории заселения и развития региона (запоздавшее освоение, советская модернизация, полиэтничность, миграционная подвижность, ориентированность на «тяжелый» промышленный труд, выраженная патриархальность, быстрое превращение «в старый промышленный регион», маргинальность, инаковость как для имперской России, так и для современной Украины, но укорененность в СССР как «светлом прошлом»).

Следует учитывать, что заселение и освоение Донбасса пришлось на восемнадцатое и девятнадцатое столетия, а это означает, что географическая идентификация региона в осознанном и отрефлексированном варианте исторически ориентировалась на Российскую империю. До революции 1917 г. земли Донбасса были частью Екатеринославской губернии, осознанной столицей являлся город Санкт-Петербург. Создание Донецкой губернии, а после и Донецкой области в составе Украинской республики со столицей сначала в Харькове, а затем в Киеве, было, вероятно, травматическим фактом, который можно назвать «географическим разломом сознания»¹. Следует признать, что политика советского государства не была направлена на то, чтобы преодолеть географический разлом или снять это напряжение. Донбасс продолжал оставаться и позиционироваться как русский «по умолчанию» регион Украины.

История заселения Донбасса — это история длительной миграции, осуществлявшейся разными по содержанию потоками. Миграционные процессы были представлены переселением греков, немцев, татар, русских, украинцев Западной Украины. Это были и разрешенные поселения (как в случае с греками и немцами), и крестьянские побеги, и самозахваты земли, и процессы «заробитчанства», и действия, связанные с необходимостью «изменить крестьянскую анкету».

XX век не прекратил миграционных процессов, он лишь изменил их характер. Так, после событий 1917 г. волна миграции в Донбасс из Центральных районов России имела целью «уйти от нестабильности, войны и революции». Миграция 1920–30-х, организованная советским государством, имела целью «подъем Донбасса и формирование нового пролетариата», миграции 1945–1948 гг. (в основном из Западной Украины) решали задачу трудоустройства и «ускоренной советизации» многих оставшихся без средств к существованию жителей Западной Украины.

В этих условиях формировался стихийный интернационализм — не как идеология, а как практика «жить вместе».

Будучи носителями разных языков, мигранты прагматично (поскольку это соответствовало языковой политике как Российской империи, так и СССР) выбирали русский как язык межнационального общения.

Русский язык в данном случае использовался по тому же принципу, что и английский в годы освоения американского континента. Как английский не делал американцев англичанами, так и русский не превращал жителей Донбасса в россиян.

Русский язык — это способ жить в мире². Однако чистота языка в данном случае утрачивалась. Язык прирастал профессиональными жаргонизмами и лингвистическими конструкциями иных языков. Наибольшим донором донбасского «суржика» был украинский язык. Между тем, «донорами быта» были и многие другие народы. В первую

очередь это донорство отразилось на особенностях кухни (чир-чиры, а не чебуреки; таранка, а не таранька или вобла; манты, пельмени и вареники на одной и той же семейной кухне), ведения хозяйства, организации праздничной обрядовости.

С другой стороны, быт, язык и традиция определялись и местными условиями, в которых жители Донбасса становились людьми преимущественно занятыми тяжелым физическим трудом. Промышленный труд — это организация, единоначалие, порядок, системность. Отсюда — склонность жителей Донбасса к авторитарным моделям управления, готовность подчиняться жесткой дисциплине, ощущаемая необходимость коллективных правил и их обязательного исполнения. Отсюда — страх «быть иным», страх индивидуального неподчинения, страх любого проявления персонального несогласия. Но, следует признать, что этот страх отличается от страха крестьянского. «Быть другим» в Донбассе — это идти вразрез с мнением начальства, власти. В значительной части население ориентировано на несвободу мысли, однако способно к масштабным проявлениям несогласия (так, забастовки лета 1989 г. не имели под собой никаких экономических оснований, они были именно актом несогласия с политикой центра³).

«Миф Донбасса» определяет жесткий механизм самоцензуры при «рассказывании себя», он ориентирован на советский исторический метанарратив. В значительной степени, социальная и групповая память жителей региона воспринимает советский метанарратив как «свой текст», как «свои личные воспоминания». Факты личной биографии, не совпадающие с метанарративом, воспринимаются как акт культурной травмы (в терминах П. Штомпки⁴). Как показывает практика, сам акт саморассказывания подвергается цензуре в момент проговаривания. «Зачистка памяти» осуществляется в пользу «большой» легитимной истории. (Пример из истории об оккупации Донбасса: «...Еще у нас в палисаднику основали полевую кухню — поставили машину и котел. Я помню, немецкий повар мне даже есть давал... (долгая пауза)» — припоминает респондент: «Не все они такие были, один немец меня чуть не застрелил. Он заставлял меня воды принести, а я отказался. Так он ружье на меня наставил, но бабушка вступилась за меня, а то точно застрелил бы (пауза)⁵»).

Работа с «устными источниками» позволяет не только переместить акцент с общества (усредненного, поглощающего индивидуальное) на человека, но и обнаружить (вслед за Ф. Боасом) «разные хронологические порядки», «разные времена», в которых живут люди «здесь и сейчас». Индустриальный регион и носители его исторической памяти демонстрируют возможность параллельного социального развития. Разные времена Донбасса — это и постиндустриальное общество больших корпораций, и советское общество малых шахтерских городов, и крестьянское общество сел и деревень. Этот список разных времен и порядков можно продолжить.

Интересно, что региональный фокус устноисторического исследования позволяет зафиксировать и разные «географические порядки». Жители Донбасса часто вкладывают разные географические смыслы в понятия «наша страна», «у нас в стране». В одних случаях, «нашей» страной продолжает оставаться СССР, в других — «нашей» является некое несуществующее государственное образование, объединенное общей историей и русским языком, в ряде случаев в повествовании о прошлом присутствует «наша

страна» и «Украина» как два отдельных понятия. При этом упомянутая география не имеет этической окраски, а констатируется как факт.

Региональный фокус устноисторических исследований может помочь снять искусственное политическое напряжение, понять и преодолеть определенный раскол между Востоком и Западом Украины⁶. Историк, этнограф, социальный исследователь может поставить себя в наиболее продуктивную позицию — в позицию диалога с прошлым и настоящим.

Практики институционализации. Наше и «не наше».

Устные истории вне методологии и теории.

Присвоить, деконструировать или считать несостоятельными?

Устная история в регионе институционализируется в двух направлениях.

Первое направление связано с интересом к памяти отдельных социальных и возрастных групп, проявленным на уровне государственных и общественных структур. В рамках этого направления сбор устных материалов проводится по инициативе государственной администрации, ветеранских организаций, в рамках школьных образовательных проектов, но без участия профессиональных историков. При этом для респондентов названные структуры представляются легитимными представителями власти (это отражается на характере полученной информации). Результатом проектов становятся масштабные издания свидетельств очевидцев политических репрессий, голодомора, Второй мировой войны, афганской войны и т. п.: книга воспоминаний участников Второй мировой войны, записанных школьниками («Триумф победителей», Донецк, 2005), продолжающийся проект многотомного издания «Реабилитированные историей. Донецкая область» (и аналогичный проект «Луганская область»), включающий устные свидетельства жертв политических репрессий. Издания «Книга памяти. Афганская Голгофа» (Луганск, 1995), «Долг, оплаченный жизнью», Сборник очерков о погибших воинах-интернационалистах» (Книга 1, 2, Донецк, 1995), «Афганцы Донбасса» (готовится к печати в 2010 г.) также ориентированы на выделение специальных рубрик «рассказы и воспоминания очевидцев». Опубликованные материалы свидетельствуют о том, что и полевые исследования, и их презентация проводятся вне методологий и методик, наработанных в рамках «устной истории».

Рассказы и воспоминания очевидцев собираются согласно методик журналистской работы, проходят коррекцию, литературную редакцию, произвольные сокращения и все другие процедуры, ориентированные на «чистку» текста и одновременно — утрату многих смыслов и сюжетов. Несохранившимися оказываются и «первичные материалы»: диктофонные записи и расшифровки.

Очевидно, что способ включения этих материалов в поле устноисторических свидетельств, пригодных для дальнейшего использования (верификации, иллюстрации, анализа структур социальной памяти, столкновения/наложения дискурсов и т. п.) должен быть найден. «Исключать» созданное вне научных методик, стигматизируя материалы как некачественные — самый нерациональный и непрофессиональный способ работы с источниками. С учетом того факта, что многие свидетельства уже не могут

быть воссозданы (по причине ухода их носителей), историки не могут разбрасываться так или иначе запечатленными картинами прошлого.

Плодотворными могут быть следующие направления работы с вышеназванными материалами. Во-первых, реализация *повторных, поддерживающих проектов* (проектов «вдогонку»). Такие проекты, сформированные с учетом методологии и методов устной истории, с одной стороны, позволят академически легитимировать полученный ранее материал, с другой, восполнить пробелы и недоработки как информационного, так и организационного характера (запись, хранение, транскрибирование).

Во-вторых, механизмом включения могут стать аналитические работы (статьи, обзоры, сборники), исследовательской задачей которых будет не критика методик, но рассмотрение дискурсов и целей создателей источника (заказчиков проекта, исполнителей и интервьюеров) и респондентов.

В-третьих, созданные в качестве «госзаказа» устные источники могут (после соответствующего анализа) быть включенными в пространство академических исследований, как и любые другие виды источников.

В-четвертых, следует признать, что сформированные «под дату», «под заказ» и включенные в соответствующие сборники, *некоторые* устные свидетельства обладают уникальным информационным, психологическим, гуманитарным потенциалом и исключительно верными стратегиями подачи (записи) материала.

В-пятых, механизм включения этих материалов может проходить в курсе преподавания устной истории и стать площадкой работы над ошибками и/или поиска/фиксации упущенных возможностей интервью.

Второе направление связано с тем, что в университетской среде выросло понимание необходимости преподавания специального курса «Устная история» для магистров исторического факультета.

Одной из дискуссионных методических проблем институциализации курса является «проблема места и времени».

Есть несколько подходов в определении целесообразного включения курса в учебные планы подготовки историков.

Первый предполагает присоединение «устной истории» (в полном объеме или в виде нескольких ключевых тем) к общему курсу «историографии». При всем очевидном прагматизме такого решения, существуют риски. Среди них «риск иерархичности»: включая «устную историю» в общий курс «историографии», мы рискуем оставаться в плену позитивистской логики отношения к источникам, которая предполагает неизменное уважение к источникам «официального происхождения» и считает вторичными и необязательными источники личного происхождения. В этой логике и иерархии устные источники рискуют занять последнюю позицию, а это означает, что именно как «последние» они и могут быть восприняты сознанием будущих историков.

Второй риск связан с уровнем базовой подготовки студентов, с освоением тех курсов, без которых «устная история» окажется «повисшей в воздухе лишних теоретических знаний». Речь идет о том, что осмысленное усвоение парадигмы устной мето-

дологии возможно при двух составляющих: а) собственной включенности студента в историю «здесь и сейчас», б) при понимании, освоении истории недавнего прошлого, родительского, семейного опыта включенности в исторические процессы.

Исходя из вышеизложенного, курс «устной истории» необходимо располагать в учебном плане либо после, либо параллельно с курсами «истории СССР», «отечественной истории XX века» и курсом «Методологии исторического познания».

Однако базовый курс «историографии» завершается уже в четвертом-пятом семестрах, а названные выше курсы только начинаются в шестом-восьмом.

Второй подход подключения устной истории к базовому курсу исходит из осознания схожести методов устной истории и этнографии (народоведения). Преимущества этого «воссоединения» состоят в формировании навыков полевой работы и реализации их в ходе летней практики. Однако имеются и риски. Среди них — стирание разницы между этнографическими и устноисторическими стратегиями и практиками, искусственное сужение тем, направлений, сюжетов, в которых может быть применена устноисторическая методология.

Третий подход к поиску «места и времени» для устной истории сегодня во многих университетах определяется «местом и временем» преподавателей, который стали инициаторами институционализации направления. Хорош или плох этот «ситуационный подход», покажет время. Преимущества же его заключаются в том, что «устная история» преподается, как правило, в качестве специального курса. А это означает, во-первых, самостоятельность («неприсоединенность» к иным курсам), во-вторых, возможность выбрать время с учетом анализа базовой подготовки студентов по иным направлениям и общим курсам. В этом «ситуационном» режиме курс «Устная история» на историческом факультете Донецкого национального университета включен в программу подготовки магистров, специализирующихся на кафедрах истории славян и всеобщей истории.

Цель и задачи курса определяются как необходимостью теоретической подготовки студентов (методология, историография, теории и школы устной истории), так и формированием практических навыков создания, анализа устных источников, включения их в поле исторических исследований.

В более широком смысле подготовка студентов к самостоятельному научному поиску в рамках устноисторической методологии требует «расширения научного горизонта», «подключения» или «погружения» историков-магистров в мир устной истории, уже институциализированной в университетах, колледжах, ассоциациях и центрах устной истории в Европе, США, Канаде, Австралии.

Эти ключевые задачи определяют структуру и методику освоения курса⁷, значительная часть изучения которого проходит в рамках контролируемой самостоятельной работы студентов.

Создание программы курса было бы невозможным (или, во всяком случае, затрудненным) без учета методических и теоретических разработок отечественных и зарубежных исследователей, преподавателей, организаторов устноисторических проектов⁸.

Преподавание курса устной истории, таким образом, состоит из трех базовых блоков: теоретической подготовки, практической работы, итогом которой должно стать создание устного источника, и самостоятельной работы.

Самостоятельная работа, помимо чтения книг по устной истории, а также «текстуальной подготовки» (об этом — ниже), включает знакомство с отечественными и зарубежными проектами по устной истории, описание и результаты которых доступны как в библиотеке, так и в Интернете. Промежуточным итогом этого этапа самостоятельной работы является презентация наиболее интересного (на выбор студента) проекта. Среди самых популярных «Финская оккупация Карелии 1941–1944 гг.» (сайт «Устная история Карелии»⁹), «Пицца и вино в районе Сан-Францисской гавани» и «Сто историй: документирование историй охраны здоровья в Калифорнии» (студенческие проекты университета Беркли и библиотеки Банкрофт¹⁰), «Женщины. Память. Война» (Центр гендерных исследований Европейского гуманитарного университета, республика Беларусь¹¹) и др.

Еще одним итогом самостоятельной работы студентов должно стать знакомство/освоение методик подготовки интервью, ведения протоколов, создания биограмм, картотек, транскрипции и т. п., апробированных и «работающих» в различных отечественных и зарубежных проектах¹². Проверка этого этапа самостоятельной работы осуществляется в ходе практических занятий, целью которых является подготовка к «полевому этапу» работы и создание собственных, авторских вопросников.

Практический блок курса «Устная история» состоит из двух частей. Первая часть — это работа в «общей теме». «Общие темы» сформулированы и включены в рабочую программу курса исходя из следующих позиций: во-первых, общая тема должна быть, в целом, знакома студентам из личного или семейного опыта; во-вторых, общая тема должна быть ориентирована на те процессы и сюжеты, которые в данном обществе и в данное время считаются самоочевидными, а потому практически не фиксируются документально; в-третьих, общая тема (в силу использования ее как «разминочной») не должна быть травматичной для интервьюируемых, а предполагаемый респондент должен быть членом семьи (это наиболее удобно для первого опыта интервью).

Как правило, среди «общих тем» наибольший студенческий интерес вызывают те, что связаны с «археологией быта»: «Мода 1960–1970-х гг.», «Советский общепит», «Домашняя еда: повседневный и праздничный стол 1960–1970-х гг.», «Праздники: государственные, религиозные, семейные», «Школьное детство», «Пионерский лагерь», «Как мы доставали... (мебель, одежду, еду)», «Жизнь “по благу”».

Работая со своими респондентами, но в общей теме, например, в теме «Мое школьное детство», студенты сравнивают результаты (вопросники, протоколы, транскрибированные тексты, причины «получившегося» или «неполучившегося» интервью). Работа над ошибками — важная составляющая часть курса, которая позволяет, с одной стороны, усовершенствовать собственные методики и навыки, с другой, дает возможность увидеть и осознать потенциал устного источника.

Итогом работы магистров в рамках предлагаемого курса является создание устного источника, который может быть использован в работе над темой диссертации. Если

тема диссертации не позволяет включить в ткань анализа устные источники, то итогом работы по спецкурсу становится интервью самого старшего члена семьи. Тема интервью может варьироваться: от широкого биографического интервью до фиксации локальных сюжетов, часто связанных с травматическим опытом.

Устные источники сегодня рассматриваются как равноправные и равноценные, а их введение в академический дискурс привело как к появлению отдельных рубрик в специальных исторических журналах («Живые голоса истории»), так и публикации отдельных работ¹³, и в качестве части (или приложения) к монографиям и научным статьям¹⁴.

Признание равноценности устного источника привело к широкому включению этого вида документов в тексты диссертаций и монографий. Наиболее плодотворно устные источники вписываются в структуру научных текстов, связанных с изучением истории повседневности (М. Герасимова¹⁵), урбанизационных процессов (К. Кузина¹⁶), семейной истории, истории детства (В. Носков¹⁷, М. Соловей¹⁸), истории Второй мировой войны (И. Гридина¹⁹), остарбайтеров (О. Мармилова²⁰), оккупации и коллаборационизма (Д. Титаренко²¹), т. е., в частности, тех направлений, которые связаны с антропологической методологией.

Однако включенность «устных источников» в научные тексты, как правило, носит исключительно иллюстративный, вспомогательный, вторичный и необязательный характер. В иерархии источников и их классификации «устные источники» занимают последнюю позицию и характеризуются как субъективные. Отечественная наука пока не проявляет ни готовности, ни заинтересованности в том, чтобы сделать субъектность устного источника центральной темой анализа той или иной проблемы.

Перспектива системной институционализации устной истории видится во введении общего, а не специального курса, который мог бы преподаваться как в качестве основного, так и в качестве «курса по выбору» на всех факультетах гуманитарного профиля. Междисциплинарность и включенность в поле устноисторических исследований профессионально подготовленных филологов, культурологов, лингвистов, политологов могла бы существенно расширить методологические и практические возможности академической институционализации этого направления.

Разрыв поколений как потеря прецедентных текстов.

Относительность и адекватность возможностей перевода

Работа в рамках преподавания курса «Устной истории» позволяет констатировать тот факт, что «свидетель эпохи» и историк, создающий устный источник, все больше отдаляются друг от друга во времени. Обычный разрыв поколений дополняется изменением языковой картины мира. Устный источник — это саморассказывание, погруженное в действительность. Но частью действительности является и сам язык, речь, речевые произведения, тексты. В каком-то смысле мы все говорим фразами уже ранее сказанных, ранее созданных текстов. Каждое высказывание имеет «возможные отношения с прошлым и открывает прогнозируемое будущее» (М. Фуко).

Создавая устный источник, историк оказывается зависимым от своего знания/не знания прецедентных текстов (как таковых, равно как и теории «прецедентных текстов»). Ю. Н. Караулов, который впервые ввел данный термин в научную практику, называл прецедентными тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности²².

В крайнем понимании любое слово уже сказано кем-то, любое слово — это цитата. В более узком понимании — это наиболее типичные, характерные цитаты из популярных речевых произведений, распространенные в речевом сообществе в какой-то период времени.

Прецедентный текст всегда формирует некий *концепт*, социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Г. Г. Слышкин²³ выделяет микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие прецедентные тексты.

Но, как показывает практика институционализации устной истории в Донбассе, современный историк оказывается дважды, а то и трижды глухим к прецедентным текстам своего собеседника. И если микрогрупповая глухота, связанная, например, с семейными прецедентными текстами, вероятно, не может быть преодолена исследователем, то потеря слуха в отношении к фольклору, профессиональному жаргону (в регионе — преимущественно шахтерскому), советскому мета-нарративу может привести к искажению смысла устного источника.

Работа со студентами позволяет диагностировать, по крайней мере, два периода исторической глухоты. Первый связан с потерей слуха касательно прецедентных христианских текстов — текстов Библии и молитв. Второй связан с утратой слышимости прецедентных текстов советской эпохи. Потерянными для исторического слышания, вероятно, можно считать и фольклорные тексты. Не осознаваемым часто оказывается и «вещный мир», о котором рассказывает респондент.

Так, студенты не могут без предварительной (и часто — довольно кропотливой работы) объяснить, что такое «онучи», «румыночки», «химический карандаш», «мальчуковый лифчик», «кефирная крышечка», «химка», «балетки», «индпошив», «рейсфедер для бровей», «мадонна», «комбинашка», «бязь», «молескин», «пионерские цветы» и т. п.

В равной степени не звучащими и как будто не имеющими смысла оказываются слова и выражения типа: «жили, учились и боролись, как завещал...», «доставать сапоги», «сдать ленинский зачет», «командир звездочки», «внучата Октября», «все бегали: догоняли и перегоняли», «голодающие дети Африки», «такой себе Шура Балаганов», «развивались как космическая отрасль» и т. п.

Современный студент, собирающийся работать в методологии устной истории, является носителем иных мета-нарративов. В ходе транскрибирования устного источника современный исследователь не акцентирует внимания на смыслах, спрятанных

в прямом и непрямом, сознательном или несознательном цитировании прецедентных текстов.

Поскольку поколенческий разрыв в Украине, в который уже раз, сопровождается разломом цивилизационным²⁴, подготовка специалистов по устной истории требует не только событийного, то и текстуального изучения эпохи.

В практической плоскости текстуальное изучение эпохи может осуществляться двумя равнозначными путями. Первый предполагает изучение советских прецедентных текстов: художественной литературы, материалов пленумов и съездов, передовиц газеты «Правда», кино. Второй ориентирован на анализ академических работ, связанных с археологией советского быта, лингвистическими и символическими конструкциями «советского языка»²⁵.

Следует признать, что к текстуальному изучению эпохи оказывается не готовой сама историческая наука в Украине. Скрытое исповедование позитивистской методологии усугубляется пренебрежением к лингвистическим методам, а наработки, созданные в рамках лингвистики и семиотики, не принимаются в качестве исторических методов.

Между тем, еще раз подчеркнем, что подготовка специалистов по устной истории, равно как и подготовка историка к отдельному интервью должна сопровождаться изучением прецедентных текстов. А транскрибированный источник, содержащий отсылки к прецедентным текстам, требует, вероятно, подробного толкования этих отсылок «здесь и сейчас». (Следует признать, что словари часто «не успевают» за изменением речи. Это хорошо видно из примера изменения смысловой нагрузки выражения «собирать металлолом»: для советской эпохи — это способ реализации «пионерской повседневности», для 1990-х — способ первоначального накопления капитала, для начала XXI века — отчаянная попытка безработных «украсть и продать плохо лежащую коммунальную собственность». Отдельной проблемой, усугубляющей необходимость словаря-толкователя, является вопрос адекватного перевода «устных источников», включающих «суржиковую» речь).

Словарь-толкователь «здесь и сейчас» продлит жизнь источнику, существенно облегчит анализ для тех, кто возьмется за источник через несколько лет или десятилетий. Словарь-толкователь — это не только хороший тон транскрибирования, но и возможность расширения круга применения устного источника.

Место интервью как место памяти?

Необходимость/возможность дополнительного протокола

Опыт практической деятельности в поле создания устных источников позволяет сформулировать проблему «места» и необходимости создания дополнительного протокола с описанием «места проведения интервью». Эта необходимость проистекает из понимания процесса постоянной утраты самоочевидного повседневного символизма. Методика фиксации места в некоторых общих моментах может базироваться на методиках, разработанных в рамках создания протоколов описания интервью в этнографии и психологии.

Для «больших исторических событий» и официальных источников, которые они оставили, проблема места включена в поле верификации. Пространство так называемого «официального источника» иерархично: чем выше уровень власти, создавший источник, тем более авторитетным он считается в рамках используемого по умолчанию позитивистского дискурса и тем больше времени на деконструкцию/анализ этого источника тратит исследователь. (Проблема **места** создания официального источника, например, отчетливо актуализирована при работе в архивах КГБ/СБУ, если речь идет об анализе протоколов допросов).

Проблема места-пространства-выбора пространства важна для устного источника.

Это не просто описание интервью, место должно и может стать актом интерпретации. В рамках этой проблемы актуальными для осмысления представляются следующие вопросы.

Кто назначает/выбирает место разговора ²⁶?

Какое именно это место: привычное, обычное, приватное пространство для респондента (его дом, его сад, его кабинет, его кухня)? Или это иное — чужое — общественное место? Каков критерий выбора «общественного места»: близость к дому, «хороший кофе» или привязанность к памяtnому месту — избирается для разговора?

Если место «привычное/приватное», то какая именно часть в иерархии этого пространства отводится для беседы: гостевая или обыденная?

Пространство разговора должно быть зафиксировано при описании интервью не менее деятельно, чем все другие компоненты источника. Казалось бы, идеальный вариант — фотография или видеосъемка — все равно не дает тех тонкостей, деталей, эмоциональной окраски. Ни фото, ни камера не могут объяснить «происхождения вещей», их возраста, значения, их исторической наполненности. По сути дела, на глазах исследователя физическое место проведения интервью может превращаться в символическое место памяти.

Мы еще не умеем интерпретировать личностно-ориентированный мир. Но важно, в какую чашку наливает чай респондент для себя, а в какую — для гостя.

Мы еще не умеем интерпретировать вещественный мир повседневности во всех его символических значениях, но стул, стол, освещение, вещь, которой касается рука респондента — это важные знаковые составляющие разговора.

Дополнительный протокол, фиксирующий вещественный компонент интервью, через несколько десятилетий может продлить и/или изменить смысловую доминанту источника, созданного сегодня.

Проблема создания дополнительного протокола требует теоретического и практического осмысления. Перспектива и необходимость анализа места записи устного источника зависит от ответа на вопрос: должен ли «устный историк» превращаться в «устного архивариуса» или, по выражению Дж. Тоша, поставщика «сырья для социальной памяти», т.е., следует ли воспринимать и создавать устные источники как информационные базы для следующих поколений историков, или «устные архивы» будут формироваться как реализация ситуационных и/или проектных тематических исследований.

Достояние всех: может/хочет ли быть государство гарантом сохранности и трансляции банка «устных историй»

Проблема институционализации устной истории в регионе заключается в способах хранения и невозможности повторного использования, в том числе и повторного транскрибирования, ранее полученных источников. Государственная архивная система, отягощенная бюрократическими процедурами, оказалась неготовой как к формированию аудио- и видеобанков, так и к хранению рукописных (печатных) «устных источников». Архивные учреждения не принимают на учет ни рабочие материалы, созданные в русле «государственного заказа», ни, тем более, подготовленные в рамках изучения курса магистрами.

Накопленный материал оказывается достоянием авторов и частных коллекций. Но — не достоянием всех. Уровень легитимации источника повышается только за счет публикаций сборников документов. Однако и это не решает проблемы повторного использования/толкования/слушания свидетельств. Вопрос о создании специального учреждения — Народного архива — является крайне актуальным.

Подводя итоги, можно констатировать, что институционализация устной истории в регионе имеет как общие, так и особенные характеристики. Среди общих следует выделить скепсис академического сообщества, развитие направления силами энтузиастов, напряжение, возникающее в дискуссионных полях применения/транскрибирования и толкования источников.

Среди особенных следует выделить страх перед памятью, высокий уровень цензуры рассказчиков, с одной стороны. И попытки «присвоения персональной памяти» государственными и околосударственными структурами, с другой. Обе эти тенденции создают прецеденты формирования и использования «псевдоустных источников», которые широко тиражируются и воспринимаются как носители «настоящей правды».

В практическом смысле институционализация устной истории (как методологии и метода) осуществляется путем введения в программу подготовки магистров-историков специального курса. Промежуточным результатом освоения метода и методологии можно считать появление устноисторических свидетельств в текстах научных работ и монографий, выход отдельных книг и сборников. Однако использование устных источников продолжает носить вспомогательный, иллюстративный и необязательный характер.

Разрыв поколений, утрата понимания прецедентных текстов, традиционное невнимание к самоочевидности повседневности респондента и интервьюера проблематизируют новые задачи. Среди них — «интертекстуальная» подготовка интервьюеров, оформление ссылочного аппарата устного источника с учетом необходимости пояснения всех цитат, клише (в том числе и не проявленных респондентом как цитата или клише), а также постановка проблемы «места интервью как места памяти» и наработки методик создания дополнительного протокола интервью.

¹ Подробнее об этом: *Стяжкіна О. В.* Пересічна людина Донбасу на початку 1920-х років: в пошуках слова, простору, часу//Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей/Гол.ред. З. Г. Лихолобова. Донецьк, 2007. Кн. 13–14. С. 76–99.

² В том числе и в мире с государством.

³ Об этом подробнее: *Лихолобова З. Г., Кузіна К. В.* Липневі страйки 1989 року в шахтарських містах Донбасу//Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 2009. С. 155–167.

⁴ *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе//Социологические исследования. — 2001. — № 2.

⁵ Иван Петрович А., 1930 г. р., русский, пенсионер (шахтер), г. Доброполье. Запись сделана Светланой Анисимовой 28.11.2008. Этот текст не является частью исследовательского проекта. Интервью с самым старшим членом семьи является итоговым документом, завершающим изучение курса «Устная история: метод, методология, источник», который, в качестве спецкурса, осваивают магистры исторического факультета Донецкого национального университета.

⁶ Наиболее впечатляющие и, во многом, неожиданные результаты были получены теми студентами, которые занимаются проблемами послевоенной трудовой миграции населения Западной Украины в Донбасс.

⁷ В равной степени, структуру определяет также острая нехватка учебного времени — восемнадцать часов аудиторных занятий.

⁸ *Envelopes of Sound: Six Practitioners Discuss the Method, Theory, and Practice of Oral History and Oral Testimony*/Ed. by R. J. Grele. Chicago, 1975; *Passerini L.* Fascism in Popular Memory. Cambridge, 1987; *Portelli A.* The Battle of Valle Giulia: Oral History and the Art of Dialogue. Madison, 1997; *Moyer J.* Step-by-Step Guide to Oral History. 1993 (revised 1999)//http://dohistory.org/on_your_own/toolkit/oralHistory.html; *Хрестоматія по усній історії*/Пер., сост., вступне слово, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб., 2003; *Лоскутова М. В.* Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002; *Лукина М.* Технология интервью: Учеб. пособие для вузов. М., 2003; *Хубова Д. Н.* Устная история. «Verba volant»: Метод. пособие. М., 1997; *Схід/Захід: Іст.-культ. зб.* 2008. Вип. 11–12: Усна історія в сучасних соціально-гуманітарних студіях: теорія і практика досліджень/За ред. В. Кравченка, Г. Грінченко. — Харків, 2008; *Нора П.* Франция — память/Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб, 1999; *Принс Г.* Усна історія//Нові перспективи історіописання/За ред. П. Берка. К., 2004; *Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций*/Отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань, 2001; *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история/Пер. с англ. М., 2003.

⁹ Устная история Карелии//Электронный доступ: <http://oralhist.karelia.ru/libr.htm>

¹⁰ *Student Projects: Food and Wine in the Bay Area; ...History 100: Documenting the History of Health Care in California*// http://bancroft.berkeley.edu/ROHO/education/student_projects.html

¹¹ Проект «Женщины. Память. Война». Центр гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. Республика Беларусь//<http://www.iatp.by/index.htm>

¹² Программа устной истории Самуэля Проктора (Университет Флорида) <http://www.history.ufl.edu/oral/index.html>; Информация для студентов Центра устной и общественной истории калифорнийского университета <http://coph.fullerton.edu/stuForm.asp>; Проект истории ветеранов войн XX века (США, библиотека Конгресса США, Американский центр на

родной истории)//<http://www.loc.gov/vets/>; Международный проект по устной истории «Память женщин»// <http://www.womensmemory.net/english/project.asp>

¹³ *Опалені війною: Спогади про воєнне дитинство (1941–1945 рр.)*/Уклад. В. Ю. Носков. Донецьк, 2008.

¹⁴ *Задніпровський О.* Хроніка голоду в 1946–1947 років у Донбасі. Донецьк, 2007.

¹⁵ *Герасимова М. С.* Повсякденне життя населення Донбасу в 1945–1953 рр.: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2007.

¹⁶ *Кузіна К. В.* Соціальні проблеми шахтарських міст Донбасу (1950–1980-ті роки). : Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2009.

¹⁷ *Стяжкіна О., Носков В.* Образ початку Великої Вітчизняної війни у свідомості дітей воєнного покоління//Історичні і політичні дослідження. 2009. № 1. Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/lipd/2009_1/22Stiazhkina.htm

¹⁸ *Соловей М. О.* Спогади Юрія Шухевича про перебування у дитячих будинках Донбасу//Нові сторінки історії Донбасу. 2009. № 17–18. С. 281–290.

¹⁹ *Грідіна І. М.* Православні віруючі України у роки Другої світової війни. Донецьк, 2006.

²⁰ *Мармілова О.* Спогади оstarбайтерів як історичне джерело//Молодь, освіта, наука, культура і національна самосвідомість: Збірник матеріалів VIII Всеукраїнської науково-практичної конференції, Київ, 12–13 травня 2005 р.: У 6 т. Т. 1. К., 2005. С. 223–226.

²¹ *Титаренко Д.* Нацистська пропаганда в окупованому Донбасі: цілі, засоби, умови діяльності//Нові сторінки історії Донбасу. 2009. № 17–18. С. 21–34.

²² *Караулов Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности//Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986. С. 105–126.

²³ *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

²⁴ Подробнее об этом: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций?//Полис. 1994. № 1. С. 33–48; *Поморцева А. М.* Рациональность гносеологического статуса человека в истории цивилизационных разломов//Взаимодействие истории и философии науки: теоретические и методологические аспекты Ставрополь, 2006; *Моисеев Н. Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ//Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

²⁵ *Гусейнов Г. Д.* Д.С.П. Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка XX века. М., 2003; *Лебина Н.* Энциклопедия банальностей. СПб., 2006; *Гурова О.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008; *Айзенберг М., Рубинштейн Л., Шейнкер М.* «Это время для нас абсолютно не утрачено...»//Критическая масса. 2004. № 1; *Сарнов Б.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2006 и др.

²⁶ В данной постановке речь не идет о категориях властных отношений. Скорее — о механизмах принятия решения об определении «места комфортного воспоминания». Можно предположить, что этот выбор имеет значение не всегда и осуществляется ситуационно. Постановка вопроса относится лишь к тем случаям, в которых значения места очевидно для респондентов.

Elena STYAZHKINA

ORAL HISTORY:
THE INSTITUTIONALIZATION OF DIRECTION IN THE RESEARCH PRACTICES
OF HISTORIANS IN THE DONBASS

Oral history in the region is institutionalized in two directions. The first trend relates to the interest in the memory of the certain social and age groups, manifested at the level of state and public structures. Oral materials are collected as an initiative of the state administration but without the participation of professional historians.

The second trend relates to the fact that many in the university environment have grown to understand the necessity of teaching a special course on "oral history" for the Masters of History post-graduate degree.

The problem of institutionalization of oral history in the region also lies in the methods of storage and the inability to re-use of the received sources. The accumulated data becomes the property of the authors and private collectors. But not the property of all.

Константин КОЗЛОВ

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ В СОВЕТСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ
в 1920–1980-е гг.**

Активизация исследований в области устной истории в современной России определяет необходимость осмысления исторического опыта становления данного исследовательского направления в отечественной социально-гуманитарной мысли. В настоящее время в отечественной науке во многом априорно признается приоритет европейской и американской традиции в области устной истории. Вызывает уважение масштабность задач, решаемых зарубежными исследователями. Однако устная история не является исключительно академическим научным направлением исследования, она во многом включена в общественные процессы и отражает социокультурную специфику каждой страны и даже отдельно взятого региона. Именно поэтому особый интерес для современного исследователя представляет институционализация устной истории, формы ее существования в советской гуманитаристике.

Складывание практики фонографической записи в России связано с деятельностью С. И. Бернштейна, работавшего в Институте живого слова (1920–1924 гг.), а позже в Институте истории искусств (1924–1930 гг.), где он записывал выступления русских поэтов. С его инициативой связано создание в 1932 г. Центрального государственного архива звукозаписей.

Складывание российской традиции устной истории можно отнести к 1920-м гг., когда начинается работа по записи и сбору воспоминаний участников общественно-политических событий первой четверти XX в., составивших корпус историко-революционной мемуаристики.

По мнению Л. А. Колесниковой, интерес исследователей 1920-х гг. к мемуарам как историческим источникам был обусловлен следующими обстоятельствами:

— во-первых, необходимостью обеспечить корпусом исторических источников недостаточно исследованную проблематику истории РСДРП и РКП (б), связанную с изучением внутренней жизни партийных организаций, партийного подполья, а также проблематику истории рабочего класса: условий жизни, быта и труда, роли рабочих в создании большевистской партии, психологии пролетария-революционера;

— во-вторых, значительным воспитательным потенциалом мемуаров ветеранов партийной работы: «Нужно молодых коммунистов и вообще членов партии сроднить